

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.С. СОЛОВЬЁВА

УДК [111+124.51](47)
ББК 87.53(2)+87.3(2)522-685

СОЛОВЬЕВСКОЕ ВСЕЕДИНСТВО В ЦЕННОСТНОМ АСПЕКТЕ

Л.Н. СТОЛОВИЧ

Институт философии и семиотики Тартуского университета,
University Str., 18, Тарту, 50090, Эстония
E-mail: stol@ut.ee

Рассматривается идея «положительного всеединства» В.С. Соловьёва как центральная идея его философии. Анализируется место таких понятий, как «ценность», «достоинство», «положительная сила бытия», «значение», в философской системе В.С. Соловьёва, где они обретают статус теоретико-ценностных терминов. Проведенный анализ теоретико-ценностных воззрений В.С. Соловьёва позволяет не только говорить о его вкладе в развитие аксиологической мысли в России, но и утверждать актуальность его идей перед лицом грозящих человечеству военных и экологических катастроф.

Ключевые слова: всеединство, София, Богочеловечество, ценность, эстетическая ценность, добро, красота, истина, аксиология.

SOLOVYOV'S ALL-UNITY IN ITS AXIOLOGICAL DIMENSION

L.N. STOLOVICH

Institute of Philosophy and Semiotics Tartu University,
18, University Str., Tartu, 50090, Estonia
E-mail: stol@ut.ee

This article explores Solovyov's idea of «positive All-Unity» as the central idea of his philosophy. It analyses the role of concepts such as «value», «dignity», «positive force of being», and «sense» in Solovyov's philosophical system insofar as these have an axiological content. This analysis of V. Solovyov's axiological views allows the author to reach conclusions not only about his contribution to the development of the axiological thought in Russia, but also to affirm the currency of his ideas in the light of the military and ecological threats hanging over mankind.

Key words: All-Unity, Sophia, Godmanhood (Divine Humanity, Bogochelovechestvo), value, aesthetic value, good, beauty, truth, axiology.

Владимир Сергеевич Соловьёв создал на основе громадной философской культуры оригинальную мировоззренческую концепцию, систематически охватывающую основные сферы мироздания и его познания. Эта концепция, названная великим русским философом всеединством¹, восходит к Гераклиту: «мудрость в том, чтобы знать все как одно» [2, с. 199]. У неоплатоников всеедин-

¹ Центральное понятие-категория философии Вл. Соловьёва «всеединство» является его неологизмом (см.: [1, с. 429]).

ство выступает в качестве отдельной и самостоятельной философской парадигмы. Неоплатоническая трактовка всеединства на христианском основании разрабатывается псевдо-Дионисием Ареопагитом. В философии Николая Кузанского всеединство трактуется не только теологически, но и диалектически. Диалектический подход к всеединству развивается в различных вариантах в философских системах Шеллинга и Гегеля. Владимир Соловьёв был основоположником метафизики всеединства в России, имевшей свою предысторию в учении А.С. Хомякова о соборности и разрабатываемой такими последователями соловьёвского учения о всеединстве, как С.Н. и Е.Н. Трубецкие, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев².

Идея *положительного всеединства* – центральная идея философии Вл. Соловьёва. «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, *пустотой*; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как *полнота бытия*», – утверждал великий русский философ [4, с. 552]. Цель философии – познание истины. Однако, отмечает Вл. Соловьёв, «сама эта истина, настоящая всецелая истина, необходимо есть вместе с тем и благо, и красота, и могущество, а потому истинная философия неразрывно связана с настоящим творчеством и с нравственной деятельностью, которые дают человеку победу над низшею природой и власть над нею» [5, с. 199]. Поэтому «истинная философия» – не просто часть «цельного знания», каковой является чисто теоретическая философия, а его основа и суть. «Цельная философия», включающая в себя все человеческие способности, рациональное познание и интуицию, научное знание и веру, логику и нравственные убеждения, позволяет постигнуть свой предмет: *истинно-сущее*, или *всеединое, начало всеединства*³. Для Вл. Соловьёва, таким образом, абсолютное благо, абсолютная истина и абсолютная красота являются тройственным выражением всеединства. С современной точки зрения такое понимание всеединства является, несомненно, *ценностным*.

Однако возникает вопрос: правомерно ли приписывать теоретико-ценностные, аксиологические воззрения Вл. Соловьёву, если во время его творческой деятельности слово «ценность» в русской философской мысли еще не получило статуса аксиологической категории, да и само слово «аксиология» появилось уже после его кончины? Вместе с тем во второй половине XIX столетия осуществлялось становление «философии ценностей» в Западной Европе, в борьбе с позитивистским мировосприятием и в процессе «переоценки всех ценностей»⁴. Исследование же трудов Вл. Соловьёва показывает, что в его произведениях слово «ценность» начинает обретать категориальный статус, а некоторые другие сло-

² История и логика философской концепции всеединства превосходно прослеживаются в статье С.С. Хоружего «Идея всеединства от Гераклита до Бахтина» [3, с. 32–66].

³ См.: Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Соч.: в. 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 685 [6].

⁴ См.: Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 117–155 [7].

ва и словосочетания, такие как «достоинство», «положительная сила бытия», «высшее благо», «безусловное значение», становятся, по сути дела, теоретико-ценностными терминами⁵. Не вызывает сомнения, что в соловьевской философии всеединства этические, эстетические и собственно философские проблемы исследуются в теоретико-ценностном аспекте.

Уже магистерская диссертация Вл. Соловьева «Кризис западной философии», защищенная в 1874 году, имела характерный подзаголовок: «Против позитивистов». Позитивизм отвергался молодым философом за исключительное признание «относительных явлений», за отрицание «всякого безусловного воззрения, как религиозного, так и философского», за неспособность решить «вопрос о *последней цели* всякой деятельности, или о *высшем благе*» [9, с. 138, 119].

В «Критике отвлеченных начал» «высшее благо» как «благо абсолютное», «объективное» служит предметом специального рассмотрения. Само «абсолютное первоначало» утверждается в его ценностном значении «как то, что обладает положительной силой бытия» [6, с. 703]. В «Философских началах цельного знания» *сущее*, по определению Соловьева, «не есть ни бытие, ни небытие», но «оно есть *то, что имеет бытие* или *обладает бытием*». «Итак, *сущее как таковое или абсолютное первоначало есть то, что имеет в себе положительную силу бытия...*» [5, с. 220]. Здесь же отмечается, что существо является ценным не в качестве существа, а в качестве возможного носителя ценности безусловной. По мнению Е. Трубецкого, «это не исключает возможности различия между существами в смысле безусловной ценности одних, условной ценности других и отрицательной ценности третьих» [10, с. 136]. Задачу же «организации самой нашей действительности или реализации божественного начала в самом бытии природы» Вл. Соловьев определяет «как задачу искусства», находя ее элементы «в произведениях человеческого творчества» и перенося «вопрос об осуществлении истины» «в сферу эстетическую» [6, с. 744].

В докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» (1877–1880 гг.) Вл. Соловьев прямо ставит вопрос об *оценочном отношении и ценностном значении* всех видов человеческой деятельности, которые, «помимо их внешней закономерности, одинаковой для них всех, имеют для нас еще особенное внутреннее значение согласно той *оценке*, которую мы им делаем и которая определяется степенью их соответствия целям, заранее поставляемым для всех этих деятельностей» [11, с. 3]. По убеждению философа, мы всегда относимся ко всему совершающемуся «с некоторым суждением или оценкой, полагая определенное различие между действиями добрыми или полезными и действиями дурными или вредными, между познаниями подлинными или верными и познаниями мнимыми или ошибочными, между истинными и ложными мыслями, между прекрасными и безобразными произведениями, между чувствами благородными и низкими; и только первого рода деятельности, произведения и состояния признаются нами как *долженствующие быть* или *нормальные*, вторые же осуждаются как *недолжное*»

⁵ См.: Столович Л.Н. Теоретико-ценностные воззрения Вл. Соловьева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 39–46 [8].

[11, с. 4]. Автор этого труда отдает себе отчет в том, что такое оценочное отношение на первый взгляд является субъективным, но он убежден в том, что различие «долженствующего быть от недолжного» имеет объективное основание, что необходимо примирить в высшем синтезе объективную и субъективно-оценочную точки зрения, и ставит вопрос об объективном критерии истины, добра и красоты – «верховного принципа познания», «верховного принципа практической деятельности для определения нравственного достоинства данных действий», «верховного принципа творческой деятельности для определения эстетического достоинства данных художественных произведений» [11, с. 5].

В «Оправдании добра» «безусловное начало нравственности» формулируется Вл. Соловьёвым в *теоретико-ценностном* аспекте: «*В совершенном внутреннем согласии с высшею волею, признавая за всеми другими безусловное значение, или ценность, поскольку в них есть образ и подобие Божие, принимай возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире*» [12, с. 261]. Обратим внимание на определение ценности как «безусловного значения», как указания на высший смысл реальных явлений, людей.

В своем основном этическом трактате Вл. Соловьёв для обозначения ценностной характеристики пользуется главным образом термином «достоинство», в русском языке эквивалентном слову «ценность» (напомним, что «*достоинство*» в корне своем имеет «*стоить*», от которого происходит и «*стоимость*»). Так, он различает «относительное» и «безусловное» достоинство человека, понимая под последним «его идеальное совершенство, как долженствующее быть осуществленным». Он пишет о «*достоинстве* этой жизни и смысле всего мироздания», о нравственных условиях осуществления личностью «своего внутреннего достоинства», о всем, что «дает красоту и достоинство нашей жизни в области религии, науки и искусства», о «достоинстве добродетели», соотносимой с «нашим человеческим достоинством», о том, что «человеческое достоинство каждого лица, или его свойство быть нравственным существом, вовсе не зависит ни от его природных качеств, ни от его полезности». «*Принцип человеческого достоинства*» определяется как «*безусловное значение каждого лица*» [12, с. 63–347].

Как видим, термин «достоинство» в основном употребляется в «Оправдании добра» как *нравственная ценность, или значение*. В эстетических трудах конца 80–90-х годов Вл. Соловьёв употребляет словосочетание «эстетическое достоинство» [13, с. 101]. В статьях «Красота в природе» и «Общий смысл искусства» «достойное» бытие, понимаемое как «идеальное» и «должное», существующее объективно («само по себе»), выступает как «идеал», имеющий значение «нормы» для оценочной деятельности и в познавательной области (истина), и в области нравственной (благо, добро), и в эстетической сфере (красота). При этом автор труда «Общий смысл искусства» проводит различие между *ценным* («достойным») и *неценным* («недостойным») бытием, от которого зависит противоположность добра, истины и красоты злу, лжи и безобразию. «Различие между идеальным, т. е. достойным, должным, бытием и бытием недолжным, или недостойным, – пишет В. Соловьёв, – зависит вообще от того или иного отношения частных элементов мира друг к другу и к целому». Бытие «идеальное или долж-

ное – то, что должно быть» – существует тогда, когда «всеядная основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе» [14, с. 130]. Благо, истина и красота являются «положительными идеальными определениями достойного бытия», тогда как зло, ложь и безобразие – соответствующие им «отрицательные начала»⁶. Критерием различения «положительных идеальных определений достойного бытия» и «отрицательных начал» Вл. Соловьев считает взаимную солидарность и равновесие частей и целого или же нарушение этих связей. Притом «анархическая множественность так же противна добру, истине и красоте, как и мертвое подавляющее единство» [14, с. 131].

Вспомним, что параллельно с философской деятельностью Вл. Соловьева в Германии неокантианцы баденской школы, прежде всего Виндельбанд, разрабатывали учение о ценностях, определяемых миром идеальных норм, выражающих необходимость долженствования, имеющего божественное основание. Вслед за Лотце неокантианец Риккерт рассматривал ценности как значимости, обладающие трансцендентальным смыслом. Определенная схожесть в аксиологических взглядах Вл. Соловьева и неокантианцев, как нам представляется, не есть результат прямого влияния, а обусловлена общими философскими истоками (еще в «Критике отвлеченных начал» уделяется большое внимание кантовскому обоснованию нравственности и моральной ценности), общими духовными тенденциями эпохи, некоторыми общими тенденциями и логикой развития философской мысли, противостоявшей позитивизму, критически воспринявшей ницшеанскую «переоценку всех ценностей». Более глубинное обоснование «достойного», или «ценностного», бытия было, несомненно, различным у неокантианцев и Вл. Соловьева, высоко ставившего Канта в истории философии, но весьма критически относившегося к кантианству. В статье «Идея сверхчеловека» (1899) русский философ, отличавшийся необыкновенной благожелательностью, несмотря на видевшуюся ему «дурную сторону ницшеанства» [15, с. 155], усматривал заслугу немецкого мыслителя в выдвигании самой проблемы сверхчеловека и вместе с тем проблемы критерия «для оценки всех дел и явлений в этом мире», но при этом ни в коем случае не мог принять ницшеанское понимание сверхчеловека и ницшеанский критерий переоценки всех ценностей⁷.

⁶ В книге польского философа Яна Красицкого «Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева» [19, с. 5–448] обстоятельно рассматривается трактовка Вл. Соловьевым проблемы зла в процессе эволюции его метафизических, теологических и теократических воззрений. Признавая метафизическую и физическую реальность *зла*, русский философ-гуманист утверждает приоритет *добра*.

⁷ См. об этом: Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 160 [15]; Хоружий С.С. Ницше и Соловьев в кризисе европейского человека // Vladimir Solov'ev und Friedrich Nietzsche. Eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz. Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften. 2003. S. 387–412 [16]; Sineokaja Julija Проблема сверхчеловека у В. Соловьева и Ф. Ницше // Vladimir Solov'ev und Friedrich Nietzsche. Eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz. Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften. 2003. S. 507–526 [17].

Вл. Соловьев нередко пользуется понятиями «оценка», «ценить», «эстетическая оценка», но оценочное отношение, с его точки зрения, может быть и соответствующим эстетическому предмету, и искажающим его: «Дерево, прекрасно растущее в природе, и оно же, прекрасно написанное на полотне, производят однородное эстетическое впечатление, подлежат одинаковой эстетической оценке» [14, с. 126]. «Оценка предполагает *сравнение с другим*», но при этом может быть «субъективной», «ложной», «фальшивой» [18, с. 349, 355, 356]. Критерием для нее может быть «ломаный аршин», «произвольное мерило» [18, с. 355]. Поэтому Вл. Соловьев против обусловленности красоты предметов и явлений «их субъективную оценкою по той житейской пользе и той чувственной приятности, которую они могут нам доставить» [13, с. 94]. Подлинным критерием оценки, по Вл. Соловьеву, может быть только «божественная идея» как «безусловная норма», имеющаяся в сознании человека, «которою он оценивает все свои деятельности» [6, с. 712]. Такой оценке соответствует *безусловная ценность*. Этой безусловной ценностью и обладает «чистая бесполезность» красоты: «Эта чистая бесполезность высоко ценится человеком и, как увидим далее, не человеком только. И если она не может цениться как средство для удовлетворения тех или других житейских или физиологических потребностей, то значит, она ценится как цель сама в себе. В красоте – даже при самых простых и первичных ее проявлениях – мы встречаемся с чем-то *безусловно-ценным*, что существует не ради другого, а ради самого себя, что самым существованием своим радует и удовлетворяет нашу душу, которая на красоте успокаивается и освобождается от жизненных стремлений и трудов» [13, с. 95].

В этой же статье «Красота в природе», где красота определяется как нечто «безусловно-ценное», Вл. Соловьев употребляет понятие «эстетическая ценность». Прочитав первые 12 строк стихотворения Ф.И. Тютчева «Как хорошо ты, о море ночное...», автор статьи отмечает: «Хаос, т. е. само безобразие, есть необходимый фон всякой земной красоты, и *эстетическая ценность* (курсив наш. – Л.С.) таких явлений, как бурное море, зависит именно от того, что под ними хаос шевелится» [13, с. 106]. «Под ними хаос шевелится» – последняя строка стихотворения Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..»:

О, бурь заснувших не буди,
Под ними хаос шевелится!.. [20, с. 78].

В статье «Ф.И. Тютчев» (первая публикация в 1895 г.) почти точно повторяется мысль о безобразии как необходимом фоне земной красоты (в качестве примера говорится не только о бурном море, но и о ночной грозе), но вместо термина «эстетическая ценность» употребляется термин «эстетическое значение» [21, с. 290]. Это значит, что для Вл. Соловьева, как и в «Оправдании добра», «ценность» – то же самое, что «значение». И в «Красоте природы» также говорится об «эстетическом значении» [13, с. 105, 107]. Притом это «эстетическое значение» выводится из «идеального или достойного бытия» [13, с. 105], т. е. общего соловьевского понимания ценности.

Что же имеет в виду Вл. Соловьев под «эстетической ценностью», или «эстетическим значением»? И совпадает ли это понимание с «красотой»? «Эстети-

ческое значение», в принципе, может быть и отрицательным, выражать, пользуясь терминологией Соловьёва, не только «положительные идеальные определения достойного бытия», к которым относится красота, но и «отрицательные начала» – безобразия. А «эстетическая ценность»? Вл. Соловьёв пишет об «эстетической ценности», возникающей на контрасте красоты и безобразия, представляющей собой красоту (бурного моря или ночной грозы), под которой «шевелится хаос, т. е. само безобразие» [13, с. 106]. Евгений Трубецкой в двухтомной монографии, посвященной Вл. Соловьёву, следующим образом интерпретирует понимание им «эстетической ценности»: «Самая ценность целого ряда явлений земной красоты для философа обуславливается тем, что “под ними хаос шевелится”. Очевидно, мы имеем здесь ценность *действительной победы*, которая предполагает действительную борьбу, а, стало быть, реальность борющихся» [22, с. 369]. Следует отметить, что и эстетические, и этические воззрения Вл. Соловьёва рассматриваются Е. Трубецким в ценностном аспекте.

Мы также полагаем, что понятие «эстетическая ценность» у Вл. Соловьёва не просто синоним «красоты», а определение сложного взаимоотношения эстетически «положительных» и «отрицательных» начал ценностного бытия при доминировании «положительных». Притом соотношение между эстетически положительными началами и началами «отрицательными» не исчерпывается полярностью красоты и безобразности. Для Вл. Соловьёва как человека и поэта, а не только философа, который, по словам Спинозы, должен, как и математики, «не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать [23, с. 288], мир предстает в комических и трагических противоречиях:

Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано [24, с. 31].

Вл. Соловьёв, начиная свой курс по истории греческой философии на Высших женских курсах в Москве 14 января 1875 г., говорил: «Я определяю человека как животное смеющееся... Человек рассматривает факт, а если этот факт не соответствует его идеальным представлениям, он смеется. В этой же характеристической особенности лежит корень поэзии и метафизики»⁸ [25, с. 94].

Но эстетически положительные начала и начала «отрицательные» могут переплетаться также иным образом, чем в комическом и трагическом. Смех, как говорил Вл. Соловьёв, вызывается несоответствием факта «идеальным представлениям» человека и, таким образом, является *утверждением* этих «идеальных представлений». Подлинно-трагическое – не просто безобразно-ужасное

⁸ Почти все биографы и исследователи творчества Вл. Соловьёва отмечают его необычайное чувство юмора, смешливость и остроумие. А.Ф. Лосев писал, что соловьёвская мистика была «жизнерадостной, жизнелюбивой <и даже юмористической>» [26, с. 186].

торжество зла, а демонстрация бессилия его силы, утверждение «идеальных представлений», ценностей, по Соловьёву, хотя и дорогой ценой страдания или гибели. Поэтому настоящая трагедия и вызывает катарсис. Однако возможен и извращенный симбиоз «положительного» и «отрицательного», создающий *псевдоценности*, о которых писал еще Шекспир в знаменитом 66-м сонете:

...Я устал
Смотреть, как бьется доблесть в нищете,
Как низость удостоена похвал,
Как веру обрекают клевете,
Как знатность подлостью посрамлена,
Как девственностью властвует разврат,
Как добродетель гнусно растлена,
Как силу душит хилый супостат,
Как рот искусству затыкает власть,
Как бред ученый разуму вредит,
Как правду кривда попирает всласть,
Как злоба добротой руководит [27, с. 195].

Такого рода *псевдоценности*, когда безобразное выдается за красоту, а красота за свою противоположность, «злоба добротой руководит», а «правду кривда попирает всласть», характерны для переломных эпох. И Вл. Соловьёв вполне осознавал возникновение в конце своего века кризисных явлений в ценностной сфере, в том числе и в области искусства, в критически-оценочном мироотношении людей. На переломе между старым и новым, двадцатым веком он ставит (в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина») риторический вопрос: «Разве нет в действительной жизни красивого зла, изящной лжи, эстетического ужаса?» И тут же сам отвечает на него: «Конечно, есть; без этого нечем было бы и подделывать красоту» [28, с. 400]. Но всеми своими духовными силами Вл. Соловьёв выступал против «*новой* красоты» как красоты *поддельной*, как результата «фальсификации красоты» [28, с. 399], как красоты, выпадающей из триединства Красоты, Добра, Истины и противопоставленной Истине и Добру.

Проблема взаимоотношений Добра, Истины, Красоты, которая, по сути дела, является аксиологической проблемой – одна из центральных в философии Вл. Соловьёва, начиная с раннего его произведения «Философские начала цельного знания» и заканчивая последними его трудами, в конце XIX века. Следует иметь в виду, что аксиологическая проблема взаимоотношений Истины, Добра и Красоты была необычайно актуальна в России второй половины прошлого века, и ее философско-абстрактные решения касались сугубо конкретных вопросов художественного творчества в его отношении к самым насущным жизненным проблемам. Вл. Соловьёв дает свое решение этой проблемы, как и Достоевский, настаивая на единстве и даже тождестве «аксиологической троицы» в противовес тем концепциям, которые жертвовали Красотой во имя Истины и Добра-справедливости (Писарев, а затем и Л. Толстой) или Добро и Истину приносили в

жертву Красоте (Леонтьев, Ницше)⁹. Вл. Соловьев, многократно возвращаясь к проблеме единства Добра, Истины и Красоты, вместе с тем все более и более конкретизировал ее решение. По его словам, «истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение – уже во всем есть конец и цель и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир» [29, с. 180].

Вл. Соловьев осознавал необходимость нового ценностного понятия, которое бы утверждало перед лицом наступающего кризиса и хаоса аксиологическое триединство во всем его блеске и очаровании. Этим понятием, по нашему мнению, и выступило понятие-образ Софии, являющейся, по точной формулировке А.Ф. Лосева, «философско-поэтическим символом» Вл. Соловьева¹⁰. Ценностный смысл Софии – как конкретного выражения соловьевской концепции всеединства в философско-художественном образе «Вечной женственности» и мировой Премудрости, символа единения Истины, Добра и Красоты, идеала и нормы должного мира – отмечал и Е. Трубецкой [22, с. 373–376].

Теоретико-ценностные воззрения Вл. Соловьева представляют, на наш взгляд, большой исторический интерес в развитии аксиологии в России и за ее пределами. И спустя столетие после его кончины вновь обретают свою актуальность. Экологические и военные опасности, угрожающие современному человечеству, воочию демонстрируют единство человеческого рода и реальность общечеловеческих ценностей, ценностей, имеющих значимость не только для человеческой индивидуальности и для той или иной группы людей, но и для человечества в целом. Именно о таком критерии общечеловеческих ценностей писал Вл. Соловьев: «...настоящий критерий для оценки всех дел и явлений в этом мире: насколько каждое из них соответствует условиям для перерождения смертного и страдающего человека в бессмертного и блаженного сверхчеловека» [15, с. 160]. Отдавая должное идее сверхчеловека Ницше, русский философ саму эту идею осмысляет совершенно иначе, чем певец «белокурой бестии», который, шагнув «по ту сторону добра и зла», провозгласил: «*Не щади своего ближнего*. Человек есть нечто, что должно преодолеть» [32, с. 143]; «Новая задача: не должна ли *одна часть людей* в своем воспитании быть поднятой до положения высшей расы за счет всех остальных людей...» [33, с. 290].

Для Вл. Соловьева «сверхчеловек» как «настоящий критерий для оценки всех дел и явлений в этом мире» – это *всё человечество* в качестве Богочеловечества, София, образующая «организм всечеловеческий, как вечное тело Бо-

⁹ Проблема соотношения Добра, Истины и Красоты в русской философско-эстетической мысли, в том числе у Вл. Соловьева, рассматривалась в книге: Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 314–375 [7].

¹⁰ См. статью А. Ф. Лосева «Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева» [30, с. 203–255], а также его замечательную монографию «Владимир Соловьев и его время» [31, с. 209–260], в которых тщательно исследовано понятие-образ Софии в философских и поэтических трудах великого русского философа и исчерпывающе выявлены различные аспекты этого философско-поэтического и религиозного символа.

жие и вечная душа мира» [34, с. 119]. София, таким образом, олицетворяет для Вл. Соловьёва Богочеловечество (человечество в целом, как «организм всечеловеческий», «идеальное, совершенное человечество» [34, с. 113]. В своем выступлении «Идея человечества у Августа Конта» в 1898 г., за два года до своей кончины, русский философ высоко оценивает идею французского философа-позитивиста о Человечестве как «Великом Существо», «живом действительном существе», а не просто как «отвлеченном понятии» или «эмпирическом агрегате» [35, с. 568]. Вл. Соловьёв полагает, что идея Человечества как «Великого Существа» родственна его пониманию Софии, трактуемой как «само истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с Ним все, что есть» [35, с. 577].

Важнейшая для всей философии Вл. Соловьёва мысль о едином Человечестве как Софии, т.е. как высшей мудрости Вселенной и всечеловеческой мудрости, обретает необычайную актуальность и пророческую силу в новом столетии. Ведь от того, насколько человечество осознает свое единство и целостность, зависит само его существование. Обратим внимание и на то, что великий русский философ саму идею Человечества как «Великого Существа» рассматривает как «зерно великой истины»¹¹, несмотря на то, что эта идея определяется как предмет «позитивной веры» в чуждой Соловьёву нехристианской «религии человечества», изобретенной «безбожником и нехристом» Контом. Для Вл. Соловьёва «зерно великой истины» важнее, чем та идеологическая оболочка, в которой оно заключено. И в этом также состоит призывно-пророческое значение философии *всеединства* замечательного русского мыслителя, способной объединить вокруг идеи всеединого Человечества людей различных философских убеждений и верований и утвердить «Человечество как целый субъект нравственной организации»¹² и как *объективный критерий общечеловеческой ценности*.

Список литературы

1. Рашковский Е.Б. Библейский реализм, или «оправдание» истории в трудах позднего Соловьёва (вместо послесловия) // Красицкий Ян. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьёва / под ред. Е.Б. Рашковского; пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 427–444.
2. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Изд-во «Наука», 1989. 576 с.
3. Хоружий С.С. Идея всеединства от Гераклита до Бахтина // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 32–66.
4. Соловьёв В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 548–555.
5. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.

¹¹ См.: Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 562 [35].

¹² См.: Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 76 [12].

6. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.
7. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 464.
8. Столович Л.Н. Теоретико-ценностные воззрения Вл. Соловьева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 39–46.
9. Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3–138.
10. Трубецкой Е. Мирозерцание Вл.С. Соловьева. М., 1913. Т. 1.
11. Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Собр. соч. 2-е изд. Т. 2. СПб.: Книгоиздательство Товарищества «Просвещение» [Репринт.]. М.: Изд-во «ЛОГОС». Т. 2. С. 1–398.
12. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
13. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 91–125.
14. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 126–139.
15. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 153–160.
16. Хоружий С.С. Ницше и Соловьев в кризисе европейского человека // Vladimir Solov'ev und Friedrich Nietzsche. Eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz. Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften. 2003. S. 387–412.
17. Sineokaja Julija Проблема сверхчеловека у В. Соловьева и Ф. Ницше // Vladimir Solov'ev und Friedrich Nietzsche. Eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz. Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften. 2003. S. 507–526.
18. Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 342–365.
19. Красицкий Ян. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева / под ред. Е.Б. Рашковского; пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 448 с.
20. Тютчев Ф. И. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1984.
21. Соловьев В.С. Ф.И. Тютчев // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 283–296.
22. Трубецкой Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. М., 1913. Т. 2. С. 369.
23. Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. II. М., 1957. С. 285–382.
24. Соловьев Владимир. Посвящение к неизданной комедии // «Неподвижно лишь солнце любви...» Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С. 31.
25. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 63–216.
26. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. 2-е изд. М.: Мысль, 1994.
27. Шекспир Уильям. Сонеты. Перевод Владимира Микушевича. М.: Водолей Publishers, 2004. 399 с.
28. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 395–440.
29. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского (1881–1883) // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 165–195.
30. Лосев А.Ф. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 203–255.
31. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 209–260.
32. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5–406.

33. Ницше Ф. Из эпохи «Веселой Науки» (1881/82) // Происхождение трагедии или эллинизм и пессимизм. М., 1902. С. 181–399.
34. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 3–172.
35. Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 562–581.

References

1. Rashkovsky, E.B. Bibleyskiy realizm, ili «opravdanie» istorii v trudakh pozdnego Solov'eva (vmesto poslesloviya) [Biblical Realism or the Justification of History in the Late Works of Solovyov (in Stead of an Afterword)], in Krasitskiy, Yan. *Bog, chelovek i zlo. Issledovanie filosofii Vladimira Solov'eva* [God, Man and Evil. A Study of Vladimir Solovyov's Philosophy], Moscow: Progress-Traditsiya, 2009, pp. 427–444.
2. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' I. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the Works of Early Greek Philosophers], Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1989, 576 p.
3. Khoruzhiy, S.S. Ideya vseedinstva ot Geraklita do Bakhtina» [The Idea of All-Unity from Heraclites to Bakhtin], in Khoruzhiy, S.S. *Posle pereryva. Puti russkoy filosofii* [After the Break. The ways of Russian Philosophy], Saint-Petersburg, 1994, p. 32–66.
4. Solov'ev, V.S. Pervyy shag k polozhitel'noy estetike [First Step Towards a Positive Aesthetics], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1988, pp. 548–555.
5. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical Principles of Integral Knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1988, pp. 139–288.
6. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critique of Abstract Principles], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Collected Works in 2 vol., vol. 1], Moscow, Mysl', 1988, pp. 581–756.
7. Stolovich, L.N. *Krasota. Dobro. Istina. Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Good. Truth. An Essay on the History of Aesthetic Axiology], Moscow: Respublika, 1994, 464 p.
8. Stolovich, L.N. Teoretiko-tsennostnye vozreniya VI. Solov'eva [The Axiological Views of VI. Solovyov], in *Vladimir Solov'eva i kul'tura Serebryanogo veka. K 150-letiyu VI. Solov'eva i 110-letiyu A.F. Loseva* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age. Devoted to 150th anniversary of the birth of VI. Solovyov and 110th anniversary of the birth of A. F. Losev], Moscow: Nauka, 2005, pp. 39–46.
9. Solov'ev, V.S. Krizis zapadnoy filosofii (Protiv pozitivistov) [Crisis of Western Philosophy (Against the Positivists)], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1988, pp. 3–138.
10. Trubetskiy, E. *Miroszertsanie VI. S. Solov'eva, t. 1* [VI. Solovyov's Worldview, vol. 1], Moscow, 1913.
11. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critique of Abstract Principles], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy, t. 2* [Collected Works, vol. 2], Saint-Petersburg: Knigoizdatel'stvo Tovarishchestva «Prosveshchenie», Moscow: Izdatel'stvo LOGOS, pp. 1–398.
12. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra [Justification of the Good], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t. t. 1* [Collected Works in 2 vol., vol. 1], Moscow: Mysl', 1988, pp. 47–580.
13. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in Nature], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 91–125.
14. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [General Meaning of Art], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 126–139.
15. Solov'ev, V.S. Ideya sverkhcheloveka [The Idea of ũbermensch], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 153–160.

16. Khoruzhiy, S.S. Nitsche i Solov'ev v krizise evropeyskogo cheloveka [Nietzsche and Solovyov in the Crisis of European Man], in Vladimir Solovyov und Friedrich Nietzsche. Eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz. Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2003, pp. 387–412.
17. Sineokaya, Juliya Problema sverhcheloveka u V. Solov'eva i F. Nitshe [The Problem of the übermensch in the Works of V. Solovyov and F. Nietzsche], in Vladimir Solovyov und Friedrich Nietzsche. Eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz. Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2003, pp. 507–526.
18. Solov'ev, V.S. Sud'ba Pushkina [The Destiny of Pushkin], in Solov'ev, V.S. *Stihotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 342–365.
19. Krasitskiy, Yan. *Bog, chelovek i zlo. Issledovanie filosofii Vladimira Solov'eva* [God, Man and Evil. A Study of Vladimir Solovyov's Philosophy], Moscow: Progress-Traditsiya, 2009, 448 p.
20. Tyutchev F. I. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Collected Works in 2 vol., vol. 1], Moscow, 1984.
21. Solov'ev, V.S. F.I. Tyutchev [F.I. Tyutchev], in Solov'ev, V.S. *Stihotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 283–296.
22. Trubetskiy, E. *Mirosozertsanie Vl.S. Solov'eva, t. 2* [Solovyov's Worldview, vol. 2], Moscow, 1913, 369 p.
23. Spinoza, B. Politicheskiy traktat [Political Treatise], in Spinoza, B. *Izbrannye proizvedeniya v 2 t., t. II* [Selected Works in 2 vol., vol. II], Moscow, 1957, pp. 285–382.
24. Solov'ev, Vladimir. Posvyashchenie k neizdannoy komedii [Dedication to an Unpublished Comedy], in «*Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...» Stihotvoreniya. Proza. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Prose. Letters. Memoirs of Contemporaries], Moscow, 1990.
25. Mochul'skiy, K.V. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie [Vladimir Solovyov. Life and Teaching], in Mochul'skiy, K. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy* [Gogol. Solovyov. Dostoevskiy], Moscow: Respublika, 1995, pp. 63–216.
26. Losev, A.F. *VI. Solov'ev* [VI. Solovyov], Moscow: Mysl', 1994.
27. Shekspir, Uil'yam. *Sonety* [Sonnets], Moscow: Vodoley Publishers, 2004, 399 p.
28. Solov'ev, V.S. Znachenie poezii v stihotvoreniyakh Pushkina [The Meaning of Poetry in Pushkin's Poems], in Solov'ev, V.S. *Stihotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 395–440.
29. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo (1881–1883) [Three Speeches in Memory of Dostoevsky (1881–1883)], in Solov'ev, V.S. *Stihotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 165–195.
30. Losev, A.F. Filosofsko-poeticheskiy simvol Sofii u Vl. Solov'eva [The Philosophical and Poetic Symbol of Sophia in the Works of Vl. Solovyov], in Losev, A.F. *Strast' k dialektike* [Passion for Dialectics], Moscow, 1990, pp. 203–255.
31. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and His Time], Moscow, 1990, pp. 209–260.
32. Nitsche, F. Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra], in *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1990, pp. 5–406.
33. Nitsche, F. Iz epokhi «Veselay Nauki» (1881/82) [From the Epoch of «The Gay Science» (1881/82)], in *Proiskhozhdenie tragedii ili ellenizm i pessimizm* [The Origin of Tragedy, or Hellenism and Pessimism], Moscow, 1902, pp. 181–399.
34. Solov'ev, V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Lectures on Godmanhood], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Izdatel'stvo «Pravda», 1989, pp. 3–172.
35. Solov'ev, V.S. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [The Idea of Humanity in the Works of Auguste Comte], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1988, pp. 562–581.